

РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-1.09 Мандельштам
DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2020.3-2/27>

Казарин В. П.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

Новикова М. А.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

3½ ВСТРЕЧИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА С ВЕРОЙ СУДЕЙКИНОЙ

У статті зображені людські та творчі відносини О. Е. Мандельштама з людьми з його оточення в період з 1917 по 1921 рік, насамперед із В. А. Судейкіною, актрисою театру та німого кіно, художницею прикладного мистецтва, живописницею, танцівницею та галеристкою. Ці відносини дали початок деяким замислам віршів поета, які неможливо коментувати без залучення бібліографічного матеріалу, що розкриває багатозначність алюзій і натяків тексту та дає змогу здійснити точне датування твору. Так, задокументована зустріч О. Е. Мандельштама та В. А. Судейкіної відбулася в серпні 1917 року в Алушті. Теплий прийом, наданий О. Е. Мандельштаму, про що свідчать записи зі щоденника В. А. Судейкіної, дає змогу зробити припущення, що вони вже були знайомі в минулому. Про це свідчить і вірш «В разноголосице девического хора...», біловий автограф якого автор дарує Вірі Артурівні. Традиційно вважається, що ці вірші народжені від спілкування О. Е. Мандельштама й Марини Цветаєвої в січні – лютому 1916 року в Москві та зберігають її образ. Однак таке розуміння повністю суперечить моральному етикету поета та тексту його вірша. До речі, симпатички М. І. Цветаєвої прямо дорікають О. Е. Мандельштаму саме за відсутність у цих віршах її окресленого образу. Гострота й цютивість почуттів, що передаються у віршах, свідчать про те, що йому передувало нещодавнє та коротке знайомство, яке, однак, залишило в душі поета глибокий слід. Ще один вірш, «Золотистого мёда струя из бутылки текла...», був задуманий 8 серпня, писався 8–11 серпня, перебілювався та був вручений Судейкіним 11 серпня. О. Е. Мандельштама стосується також один автограф в альбомі В. А. Судейкіної, що віртуально перетворюється на їх третю з половиною зустріч. Це вірш «Прощание» грузинського поета Ніколоза Йосиповича Міцішвілі (Сірбіладзе), що був написаний у 1921 році. О. Е. Мандельштам переклав його в тому ж 1921 році під час перебування на Кавказі.

Ключові слова: О. Е. Мандельштам, В. А. Судейкіна, Алушта, «В разноголосице девического хора...», «Золотистого мёда струя из бутылки текла...».

Прелиминарии

Судейкіна (уродженна де Боссе, в замужестве Люри, Шиллинг, Судейкіна, Стравинская) **Вера Артуровна** (25.12.1888 [06.01.1889], Санкт-Петербург – 17.09.1982, Нью-Йорк) – актриса театра і німого кіно, художниця прикладного мистецтва, живописец, танцовщица, галерист. По отцу французенка, по матери – шведка.

В 1908 году с золотой медалью окончила Московскую гимназию М. Б. Пуссель (преподаватель математики и французского языка). Чтобы получить музыкальное образование, берёт уроки у пианиста Давида Шора. В 1910–1914 годах – студентка Берлинского университета. На первом

курсе изучает философию, физику, химию, анатомию, на втором – историю искусств (у Генриха Вёльфлина) и архитектуру. После начала Первой мировой войны возвращается в Россию, в Москву. Снимается в кино (режиссёры Я. Протазанов, В. Гардин, А. Андреев), играет в Камерном театре Александра Таирова и учится в Балетной школе Лидии Нелидовой.

В 1915 году знакомится в Камерном театре с художником-оформителем Сергеем Юрьевичем Судейкіным, а в марте 1916-го переезжает к нему в Петроград. Навсегда оставив сцену, В. А. Судейкіна становится женой, музой и помощницей своего мужа вплоть до их расставания в Париже в мае 1922 года.

Встреча вторая

Задokumentированная встреча О. Э. Мандельштама с В. А. Судейкиной состоялась в августе 1917 года в Алуште, где поэт и семья Судейкиных отдыхают в Профессорском уголке – он у друзей в пансионе Е. П. Магденко, они в комнате, которую снимают в имении С. В. Давыдовой. 8 (21 по н. ст.) августа Мандельштам наносит Судейкиным визит, который получил отражение в дневнике Веры Артуровны: «И вдруг появился Осип Мандельштам. “Каким образом Вы узнали, что мы живем здесь?” – “Я ведь тоже живу в Алуште <...>”. Как рады мы были ему. <...> Мы повели его на виноградники: “Ничего другого не можем Вам показать”. Да и угостить не можем, только чаем и мёдом. Хлеба нет. Но разговор был оживлённый, не политический, а об искусстве, о литературе, о живописи. Остроумный, весёлый, очаровательный собеседник. Мы наслаждались его визитом. <...> И опять мы хотели увидеть его, увидеть его воодушевлённое выражение, его энтузиазм в разговоре. Он приходил к нам в дождевике, по-моему, у него не было даже костюма, и вид у него был голодный, а мы не могли его угостить буквально ничем – мы сами были полуголодные» [1, с. 392].

Чрезвычайно тёплый приём, оказанный Мандельштаму, позволяет предположить, что в прошлом всех троих уже связывало знакомство, если не дружеские отношения. Сегодня мы не располагаем сведениями о более ранних встречах поэта и актрисы, но кино- и театральные премьеры, гастроли, выходы журналов, альманахов, общая художественная богема двух столиц создавали многочисленные поводы для знакомства. Текст дневника свидетельствует, что Мандельштам не нуждался в том, чтобы кто-то его представлял Судейкиным или к ним его приводил. Он пришёл сам, без приглашения, и они его встретили как близкого им человека.

Встреча первая, неизвестная

Во время визита имел место важный факт – дарение поэтом Вере Артуровне специально переделённого текста стихотворения «В разногласии девического хора...», написанного за полтора года до алуштинской встречи. Следовательно, Мандельштам заранее готовил свой визит, тщательно подобрав подарок. Беловой автограф снабжён пометой, открыто связывающей его со временем и местом крымской встречи: «8 августа 1917 г. Профессорский уголок – Алушта» [2, с. 121; 3, с. 197–199]. Хозяйке стихотворение нравится, она им дорожит и вклеивает в свой Альбом [4], который, помимо прочего, предназна-

чался для того, чтобы показывать его большому количеству людей из своего окружения. Следовательно, поэт не мог не понимать, что этим подарком он публично объявлял, кому это стихотворение посвящено. Приведём его текст:

*В разногласии девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.*

*И с укрепленного архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.
В стенах акрополя печаль меня снедала
По русскому имени и русской красоте.*

*Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поёт черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.*

*И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душою
Напоминают мне – явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой*

[5, т. 1, с. 295].

Традиционно считается, что эти стихи рождены общением Мандельштама в январе-феврале 1916 года в Москве с Мариной Цветаевой и хранят её образ [6, т. 1, с. 515]. Это же декларировала и она сама в «Истории одного посвящения» [7, т. 2, с. 186]. Не вступая в детальную полемику, отметим, что такое понимание совершенно противоречит моральному этикету нашего поэта и тексту его стихотворения. Не может Мандельштам открыто дарить одной женщине (очень известной и публичной) стихи, посвященные другой женщине (не менее известной и публичной). Как может Марина быть героиней стихотворения, в котором дважды её достоинством объявляется «русское имя»? Ясно, что поэт 8 августа 1917 года в Алуште дарит стихотворение его законной владелице – Вере Судейкиной, которая ко всему ещё и с полным правом может быть названа «русской красавицей». Понятно, что это её «высокие брови» чудятся ему в дугах Успенского собора, о ней «снедает» поэта «печаль» в стенах акрополя, её «напоминают» Мандельштаму «пятиглавые московские соборы» [5, т. 1, с. 295].

Показательно, что симпатии М. И. Цветаевой прямо упрекают Мандельштама именно в отсутствии в этих стихах сколько-нибудь отчётливого её образа: «<...> Мандельштам ни одним

словом не обратился к своей “корреспондентке”, не уловил и не назвал ни одной цветаевской черты, глядя вместе с ней на красоты кремлёвских соборов, её саму проглядел. Поэтому стихотворение “В разноголосице девического хора” <...> сама Цветаева <...> восприняла лишь как “холодное великолепие о Москве”» [8, с. 401].

Острота и целомудренность чувств, переданных в стихах, говорит о том что за ними стоит совсем недавнее и короткое знакомство, оставившее, однако, в душе поэта глубокий след. Текст стихотворения дарит нам ещё одну непрочитанную ранее подсказку: Аврора, которую «напоминают» автору «соборы» старой столицы, встретила-«явилась» ему, согласно символике своего имени, ранним утром и к тому же ещё «в шубке меховой». Следовательно, Мандельштам впервые увидит героиню стихотворения довольно рано в один из дней зимы 1915-1916 годов.

Встреча вторая, переходящая в третью

В августе 1917 года в Алуште Мандельштам и Вера Судейкина встречаются дважды. Сначала, как уже было сказано, 8 августа, когда он дарит Вере Артуровне стихотворение «В разноголосице девического хора...». По окончании той встречи поэт получает от хозяев приглашение посетить их ещё раз: «Приходите опять, мы так рады Вас видеть». Он исполнит просьбу Судейкиных и 11 (24 по н. ст.) августа придёт снова, и опять с подарком: «Он пришел и принёс нам свою поэму: “Золотистого мёду (так в тексте. – Авт.) струя из бутылки стекла...”» [1, с. 392].

Перечитаем это удивительное стихотворение, которое почти стенографически рассказывает о встрече 8 августа и которое хозяйка в своём дневнике небезосновательно назвала *поэмой*:

*Золотистого мёда струя из бутылки стекла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.*

*Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, – идёшь, никого не заметишь.
Как тяжёлые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймёшь, не ответишь.*

*После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены тёмные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть
виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.*

*Я сказал: виноград, как старинная битва, живёт,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.*

*Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет укусом, краской и свежим вином из
подвала.*

*Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –
Не Елена – другая, как долго она вышивала?*

*Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжёлые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный
[5, т. 1, с. 97].*

Нам давно и достоверно было известно, когда поэт *завершил* работу над этим стихотворением. Беловой автограф, который Мандельштам принёс гостеприимным хозяевам, имел посвящение «Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С.» и датировку «11 августа 1917. Алушта». В. А. Судейкина также заботливо вклеила это стихотворение всё в тот же Альбом [4, с. 51]. Парадокс состоит в том, что мы очень долго не видели связи между автографами от 8 и 11 августа, а в результате Альбому многие годы некому было подарить ответ на вопрос: когда работа над стихотворением «Золотистого мёда струя из бутылки стекла...» *началась*?

Два беловых автографа Мандельштама с пометками, которые фиксируют время и место визитов, вместе с подробным дневником хозяйки свидетельствуют, что визит 8 августа и был тем самым днём, когда «тягуче и долго» на глазах у удивлённого поэта разливали из бутылки «мёд» (крымский «бекмес»), а потом пили чай, осматривали сады, виноградники и горы, возвращались домой в комнату, где стояла прялка, и при этом всё время и непрерывно разговаривали и разговаривали, вроде бы о разном, а на самом деле об одном и том же – о смысле жизни и своей судьбе.

Таким образом, стихотворение «Золотистого мёда струя из бутылки стекла...» было задумано 8 (21 по н. ст.) августа, создавалось 8, 9, 10 и 11-го, перебеливалось и было вручено гостеприимным хозяевам 11 (24 по н. ст.) августа.

Встреча третья с половиной, виртуальная

Наконец, к Мандельштаму имеет отношение ещё один – третий! – автограф в Альбоме В. А. Судейкиной, виртуально оборачиваясь их третьей с половиной встречей. Встречей через время и расстояние.

Это стихотворение «Прощание» замечательного грузинского поэта Николоза Иосифовича Мицишвили (Сирбиладзе), написанное в 1921 году. Мандельштам перевёл его в том же 1921-м, будучи на Кавказе [6, т. 2, с. 15]. Н. И. Мицишвили, составляя первую антологию «Поэты Грузии» на русском языке, включит туда это стихотворение наряду с другими тремя переводами Мандельштама – из Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили и Георгия Леонидзе [10, с. 284].

Антология выйдет из печати в середине декабря 1921 года. Но подарить «Прощание» Вере Артуровне поэт тогда уже не мог, потому что в мае 1920 года Судейкины (перебравшиеся в 1919-м из Крыма в Грузию и Азербайджан) уплынут навсегда пароходом из Батума во Францию [4, с. XI].

Мандельштамовский перевод догонит «русскую красавицу» уже в эмиграции.

Летом 1923 года в Париже белой автограф перевода стихотворения собственноручно выполнит и подарит Вере Артуровне сам автор – Николоз Мицишвили, указав при этом имя переводчика [3, с. 198; 10, с. 300]. Судейкина этот автограф, как и два предыдущих, бережно клеит в Альбом. Нет сомнения, что во время этой встречи они будут говорить и о Мандельштаме, поэтому незримо он будет третьим в их беседе.

Сам Н. И. Мицишвили с 1922 года живёт во Франции, налаживая литературные связи своей родины с Европой. Он основал в Париже и возглавил «Союз грузинских деятелей искусств», открыл грузинское издательство, к работе в котором намеревался привлечь и русских писателей – Осипа Мандельштама, Илью Эренбурга, Сергея Городецкого, сам активно печатался в эмигрантской газете «Новая Грузия».

Поэт будет встречаться и с Ниной Мдивани, которой посвящено его стихотворение «Прощание». Покинув в 1921 году захваченную большевиками Грузию, она тоже живёт в Париже. Николоз Мицишвили давно и безнадежно влюблён в аристократку Нину. Может быть, он надеялся, что во Франции сбудется то, что было невозможным для крестьянского сына в Грузии. В 1925 году на всех его планах был поставлен крест. Власти, по чьим-то доносам, высылают его из страны, обвинив в подрывной просоветской деятельности [10, с. 299].

Мицишвили вернется на родину, где вскоре его опять обвинят в подрывной деятельности, но теперь уже – антисоветской.

Напомним читателям его ставшее пророческим стихотворение «Прощание»:

Нине Мдивани

*Когда я свалюсь умирать под забором в какой-нибудь
яме*

*И некуда будет душе уйти от чужунного холода –
Я вежливо, тихо уйду. Незаметно смешаюсь
с тенями.*

*Лишь собаки меня пожалеют, целуя под ветхой
оградой.*

*Не будет процессии. Меня не украсят фиалки,
И девы цветов не рассыпят над чёрной могилой.
Порядочных кляч не дадут для моего катафалка,
Кое-как повезут меня одры, шагая уныло.*

*И разве кто допустит мои рубцы, нарывы и парши
Туда, где сословье святых ограничено строго?
Кто честно спасённых души откроет мне рай
патриарший?*

Друзья! Даруйте прощанье согрешившему много!

*Поражена каждая клетка моя. Грехами гоним я,
И кровь моя погибает от примеси гноя.
И доброе имя отцов, землепашцев квадратное имя,
В похоть погрязло – не ведая большие покоя.*

*Мне ль плечистых крестьян нести ярмо родовое,
Добрую кровь отцов превратил я в уксус и зелье.
Сам догорел, как лучина в медлительном зное,
В сновиденьях земли – я чёрный кошмар – невеселье.*

*Недопитые мысли сгорают в смятеньи заката.
Чудовищных мыслей помол хочу я докончить
напрасно.*

*Нет у меня никого – ни верного друга, ни брата,
Хоть бы охульник какой ударил меня звонкогласно.*

*И ныне я – мёртвый, босой, высохшим телом немея,
Должен висеть – дождями, безжалостным ветром
терзаем,*

*На перепутье миров в высокой сушильне чернея,
И богов проклинать хриплым своим неистовым лаем
[9, т. 2, с. 102].*

Мицишвили напечатает это стихотворение не только в антологии «Поэты Грузии». Чуть ранее, 4 декабря 1921 года, выйдет первый номер русскоязычной газеты «Фигаро», в котором на первой полосе размещено «Прощание», а рядом с ним – ответное пророческое стихотворение Мандельштама, написанное в том же 1921 году и подаренное редактору газеты – всё тому же другу Николозу:

Умывался ночью на дворе –
Твердь сияла грубыми звездами.
Звёздный луч – как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова, –
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студёная чернее,
Чище смерть, солёнее беда,
И земля правдивей и страшнее [5, т. 1, с. 122].

«Смерть», «беда» и земля с её «страшной правдой» рождены полученным Мандельштамом в Грузии известием о смерти 7 августа в возрасте 40 лет Александра Блока и расстреле в ночь на 26 августа в возрасте 35 лет Николая Гумилёва. Одного Советская власть показательно задушила в своих объятиях, другого – демонстративно и без всяких оснований убила.

В столице советской Грузии это стихотворение напечатать удалось. В столице советской Украины – тогда это был Харьков, – уже нет. По указанию

Первого секретаря ЦК КП(б) Украины Д. З. Мануильского, просмотревшего гранки, оно было исключено из первого номера журнала «Грядущий мир», вышедшего в мае 1922 года. Очень выразительны слова, сказанные при этом преданным большевиком: « – Какая соль? При чём здесь топор? Ничего не понимаю! Что Ленин скажет?» [5, т. 1, с. 578].

Вместо эпилога

Николоз Мицишвили был расстрелян 13 июля 1937 года в Грузии в возрасте 40 лет.

Осипа Мандельштама замучили до смерти 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком в возрасте 47 лет.

Вера Судейкина-Стравинская умрёт в своей огромной квартире в Нью-Йорке с окнами на Сентрал-парк 17 сентября 1982 года в возрасте без малого 94 лет. Похоронена в Венеции на кладбище Сан-Микеле рядом с мужем – композитором Игорем Стравинским.

Нина Мдивани, дочь генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Захария Мдивани, эмигрирует в 1921 году. В Париже её вторым мужем станет сын писателя сэра Артура Конан Дойла – Дэнис. Она скончается в столице Франции в 1987 году в возрасте 87 лет.

(Киев, февраль – апрель 2020 г.)

Список литературы:

1. Судейкина В. А. Дневник. 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис). Москва : Русский путь ; Книжница, 2006. 672 с.
2. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / сост. А. Г. Мец. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Интернет-издание, 2019. 509 с.
3. Парнис А. Е. Штрихи к футуралистическому портрету О. Э. Мандельштама. *Слово и судьба. Осип Мандельштам: исследования и материалы*. Москва : Наука, 1991. С. 183–204.
4. The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / ed. and transl. by J. E. Bowlit. Princeton, New Jersey : Princeton university Press, 1995. 256 p.
5. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. / сост. и коммент. А. Г. Меца ; вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова. Москва : Прогресс-Плеяда, 2009–2011. 808 с. + 760 с. + 944 с.
6. Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. : П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. Москва : РОССПЭН, 2017. 575 с. + 487 с.
7. Цветаева М. И. Сочинения : в 2 т. Москва : Художественная литература, 1980. 575 с. + 543 с.
8. Геворкян Т. М. «Несколько холодных великолепий о Москве»: Марина Цветаева и Осип Мандельштам. *Континент: литературный, публицистический и религиозный журнал*. Париж ; Москва, 2001. № 3(109). С. 386–410.
9. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. : П. М. Нерлер, А. Т. Никитаев. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. 367 с. + 703 с. + 525 с. + 607 с.
10. Нерлер П. М. Осип Мандельштам и Грузия: новые материалы. *Текст и традиция* : альманах. Санкт-Петербург : Росток, 2019. № 7. С. 231–340.

Kazarin V. P., Novikova M. A. 3½ MEETINGS OF OSIP MANDELSTAM AND VERA SUDEIKINA

The article considers human and creative relationships of O. E. Mandelstam with people close to him for the period 1917–1921, in particular, with V. A. Sudeikina, theatre and silent-film actress, applied art artist, painter, dancer and gallerist. These relations created some ideas. It is not possible to comment them without the involvement of biographical material that reveals the multilayer allusions and hints of the text and allows for an accurate dating of the work. Accordingly, the documented meeting of O. E. Mandelstam with

V. A. Sudeikina took place in Alushta in August, 1917. The warm hospitality extended to O. E. Mandelstam, which was described in V. A. Sudeikina's diary, suggested that they had already known each other. This was evidenced by the poem "In multitude of choir polyhymnal..."; the author gave the autograph on fair copy to Vera Arturovna. It was traditionally thought that these poems were created as a result of communication of O. E. Mandelstam and Marina Tsvetaeva in Moscow in January – February, 1916 and kept her image. But such an understanding was completely contrary to the poet's ethics, etiquette and the text of his poem. By the way, M. I. Tsvetaeva's sympathizers directly reproach O. E. Mandelstam for the absence of any clear image of her in the verses. By the way, M. I. Tsvetaeva's sympathizers directly reproach O. E. Mandelstam for the absence of any clear image of her in these poems. The acuity and chastity of feelings conveyed in the verses meant their recent and short acquaintance, which, however, left a deep imprint on the poet's soul. Another poem "Golden honey from the bottle streamed..." was conceived on August 8, created during August 8–11, revised and presented on August 11 by Sudeikin. Another autograph in the Album of V. A. Sudeikina was related to O. E. Mandelstam, virtually turning into their third and a half meeting. This was the poem "Farewell" by the Georgian poet Nikolo Iosifovich Mitsishvili (Sirbiladze), written in 1921. O. E. Mandelstam translated it in the same 1921 while being in the Caucasus.

Key words: *O. E. Mandelstam, V. A. Sudeikina, Alushta, "In multitude of choir polyhymnal...", "Golden honey from the bottle streamed..."*.